

АЙВАЗОВ И. Г. — в МПКК

АЙВАЗОВ Иван Георгиевич, родился в 1872 в Мариуполе Екатеринославской губ. Получил высшее духовное образование. Профессор духовной академии в Петрограде. 23 октября 1919 — арестован, отправлен в Москву и заключен в Новоспасский лагерь. В декабре 1919 — по просьбе юридического отдела МПКК заполнил "Опросный лист".

<30 декабря 1919>

1. Фамилия, имя, отчество	Айвазов Иван Георгиевич
2. Где содержится (тюрьма, кор. лагерь; Ч.К. и т.д.)	В Новопесковском концентрац<ион.> лагере (Москва, близ Смоленск<ого> рынка)
3. Возраст, национальность, подданство	48-й год; русский, русское <...>
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс	Кончил Казанскую Духовную Академию
8. Профессия	Профессор Петроградской православной Духовной Академии <...>
17. Когда арестован по настоящему делу	Под 23 октября сего года
18. Где арестован	Петрограде
19. Когда доставлен в Москву	16 ноября <...>
21. Повод к аресту	Никакого; взят был для "выяснения", после допроса 1 ноября заявили, что выпустят; а вместо этого отправили в Москву в ВЧК, где без допросов просидел почти месяц и к удивлению назван "заложником" и водворен в лагерь.
22. Кто еще арестован по этому делу	Никого, так как и <u>"дела"-то нет никакого</u> <...>
25. В чем обвинение	Ни в чем. Заявляю это со слов следователя Клейца, заявлено после допроса, что отпустит <...>

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (По возможности подробнее изложить сущность дела и допроса).

Я уже сказал, что "дела" нет никакого: никакой вины не было предъявлено, а взят "для выяснения" меня, как в ту же ночь взяли КОНИ и др. Я полагал, что следователь предъявит обвинение, и я смогу оправдаться. Но следователь только поставил ряд чисто преподавательских, академических вопросов и предложил дать по ним письменное подробное показание. Эти вопросы таковы (привожу по памяти): политич<еская> партийность? Отношение к Советской Власти? Отношение к иностранному вмешательству в дела Совет<ской> России? Какой путь лучше для России? Но особенно подробно требовалось изложить ответ на вопрос: Каким должно быть отношение между Советской Властью и Православной Церковью? Какие недочеты были в этих отношениях? — Как видно, вопросы из области не криминальной, а отвлеченной, и ответы на них я мог бы дать и дома, а не в тюрьме. Когда все мои показания были прочитаны следователем Клейцем, и когда он ознакомился с отобранными у меня деловыми и научными бумагами, то он (Клейц) заявил: "Вины

за вами никакой, и вас на днях освободят", — и разрешил мне свидание с женою <...> Однако, 14 ноября меня отправили в Москву в ВЧК на Лубянку, сказав: "Там освободят". Но здесь меня продержали почти месяц и, не учинив никакого допроса, выдворили в Новопесковский лагерь, откуда, вероятно, отправят в Ивановский лагерь. За какие же вины против Советской России я назван "заложником" и лишен свободы? Все мои усилия узнать это остались тщетными. Сознание своей полной невинности и невозможности причислить меня, сына беднейших родителей, и не имеющего ни капиталов, ни имущества, — к "заложникам", что, однако, произошло, сильно гнетет меня: вкралось печальнейшее недоразумение, губящее меня и мою больную, беспомощную и одинокую жену — и нет никакой возможности выяснить это недоразумение и выйти на свободу для научных занятий. Какая трагедия! Обвинен, а в чем — не знаю! Заключен, наказан, а за что не знаю! Назван "Заложником", почему? Или за кого? — Не знаю... И это не пустая отговорка: "не знаю", а голая правда, полная трагедии и ужаса. И кто и когда сдернет завесу с тайны моего осуждения — тоже не знаю <...> Быть может, хоть этот опросный лист раскроет мне тайну моих страданий. Ведь это лист "Красного Креста", а обогранный Кровью Крест не только возвестил людям их вину, но и покрыл ее любовью Распятого на нем. И как глубоко я был бы утешен, если бы Москов<ский> Политич<еский> Красный Крест вошел в рассмотрение моего дела и встал на защиту невинно осужденного.

Подпись

профессор Иван Георгиевич Айвазов.

Чем кончилось дело Не знаю, п<отому> ч<то> и "дела"-то нет: нет ни начала, ни конца. А налицо одни лишь незаслуженные страдания»¹.

19 января 1920 — по ходатайству ПКК освобожден, работал начальником секретариата Московского округа путей сообщения. 10 марта 1920 — вновь арестован, 15 мая освобожден на поруки до суда, а 16 февраля 1921 — дело прекращено. Вернулся в Петроград, работал старшим ученым архивистом. 25 марта 1927 — арестован, отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 13 января 1928 — приговорен к 3 годам ссылки с конфискацией библиотеки и отправлен в Краснококшайск (Марийской области)². В январе 1929 — обратился за помощью к ПКК.

<28 января 1929>

«Комитет по оказанию помощи политзаключенным

От административно ссыльного
профессора Айвазова Ивана Георгиевича
ул<ица> Карла Маркса, 4. Краснококшайск

Заявление

Прошу Комитет оказать мне возможное содействие следующих делах:

1-е, дело о высылке меня в Краснококшайск на 3 года, сроком по 25 марта 1930 г<ода> (считая с 25 марта 1927 г<ода>). Меня обвинили по 58 ст<атье> 13 п<ункта> в том, что, состоя до революции профессором

¹ ГАРФ. Ф. 8919. Оп. 1. Д. 172. С. 110. Рукописный вариант ответов.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. — М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

Петроград<ской> Дух<овной> Академии по кафедре "История русского сектантства", я вел борьбу с мистиками-сектантами (хлыстами и скопцами) посредством ученья произведений и раз пять-шесть, по требованию судов, выступал экспертом по судебным делам о сектантах. Точно такое же обвинение мне было предъявлено 23 окт<ября> 1919 г<ода>, когда я был арестован ВЧК, затем освобожден 19 янв<аря> 1920 г<ода>, а затем снова за это же самое был арестован НКЮОстом (следователем Шпицбергом) 10 марта 1920 г<ода>, в мае выпущен на поруки, а 16 февраля 1921 г<ода> НКЮОст гр<ажданин> Курский сделал письменное распоряжение о прекращении следственного дела обо мне, согласно амнистии от 7 ноября 1920 г<ода> (К^о этого распоряжения отобрано у меня 20 окт<ября> 1927 г<ода> при конфискации моей библиотеки). Казалось бы, что снова арестовывать и ссылать меня за уже раз амнистированное дело нельзя. Однако, 25 марта 1927 г<ода> меня снова арестовали, снова осудили и сослали, причем, 20 окт<ября> 27 г<ода> конфисковали всю мою библиотеку, в которой не было ни одной антисоветской книги. Ко мне даже не применили амнистии 7 ноября 1927 г<ода>! В тюрьме в Бутырках я просидел почти 11 месяцев, а всего с ссылкой сюда я уже отбыл из присужденных мне 36 месяцев — 22 месяца. Я просил о досрочном моем освобождении, но ОГПУ мне отказало. Я просил о применении ко мне амнистии 7 нояб<ря> 27 г<ода>, — но исчерпывающего ответа на это не получил. Я изложил Вам все в точности. Прошу Вас посодействовать мне или в досрочном освобождении меня, или в применении ко мне амнистии 7 ноября 1927 г<ода>, с предоставлением мне права вернуться в Ленинград, где бы я мог продолжать свое лечение, т<ак> к<ак> я полный инвалид.

2-е мое дело таково: проходя Советскую службу в должности "начальник Секретариата Москов<ского> округа путей сообщ<ения>" (с 10 янв<аря> 20 г<ода> и по 1 апр<еля> 21 г<ода> — ушел со службы по решению врачеб<ной> Контрол<ьной> Комис<сии>), как инвалид с потерей 65% трудоспособ<ности>, причем, мне было приказом выражена "глубокая благодарность"), а затем два года в должности "старшего ученого архивиста" в Ленинграде, я превратился в инвалида 2-й группы, с потерей трудоспособ<ности> на 85% и, по соблюдению всех формальностей, мне Ленинград<ская> губ<ернская> Страхкасса положила выдавать пенсию в 57 р<ублей> 75 к<опеек> сроком с 1 окт<ября> 26 г<ода> по 1 окт<ября> 27 г<ода>, с правами ежегодного возобновления пенсии, после ежегодного врачебного осмотра меня. Эта пенсия и была для меня единственным источником существования, так как в годы 1919-20 все мое имущество погибло. Под влиянием газетного вопроса: почему выдается пенсия "профессору Дух<овной> Академии"? — Главсоцстрах затребовал из Марийской областной страхкассы (в г<ороде> Краснококшайске) мое пенсионное дело для пересмотра и с 1 января т<екущего> г<ода> пенсию мне прекратили впредь до решения Главсоцстраха. 26 января т<екущего> г<ода> я послал мотивированную просьбу в Главсоцстрах о возобновлении мне пенсии, заявляя, что я получал ее не за свою профессорскую в Д<уховной> Академии службу, а за службу советскую, и притом, удостоенную "глубокой благодарности"; моя же временная административная высылка, по закону, также не лишает меня никаких прав, в том числе и права на пенсию. По происхождению я сын простого шкипера (из матросов) и беглой от крепостного права крестьянки. Прошу Вас оказать мне содействие в том, чтобы Главсоцстрах разрешил продолжение мне пенсии и чтобы ускорил этим разрешением, так как я лишен всяких средств к существованию и, сверх того, имея возраст 57-й год, переобременен многими болезнями, превратившими меня в инвалида.

О результатах моих просьб прошу Вас не отказать сообщить мне по адресу: г<ород> Краснококшайск, Мар<ийской> области, ул<ица> Карла Маркса, д<ом> 4-й, Козлихина.

Профессор и старший ученый архивист Айвазов Иван Георгиевич.
28/1 – 29 г<ода>»³.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:
«Отв<етить>, чтоб присл<ал> заявл<ение> в Ос<обое> Сов<ещание>. ЕП. 11/II – 29».

В мае 1930 — профессор Иван Георгиевич Айвазов вновь обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<22 мая 1930>

«Помполит зак<люченным>
гр<ажданке> М.⁴ П. Пешковой

Если возможно, не сочтите за труд исполнить мою просьбу.

25 Марта т<екущего> г<ода>, т<о> е<сть> почти два месяца назад, кончился срок моей высылки в г<ород> Йошкар-Ола, Марийской обл<асти>. Доселе ОГПУ не сообщает своего дальнейшего решения по моему делу.

Прошу Вас, в принятом порядке, осведомиться о решении ОГПУ по моему делу и сообщить мне по адресу: г<ород> Йошкар-Ола, Марийской области, Набережная ул<ица>, д<ом> № 20. Айвазову Ивану Георгиевичу.

С соверш<енным> почтением

Проф<ессор> И. Г. Айвазов.

22/V 1930 г<ода>.

P.S. Арестован я в Ленинграде 25 марта 1927 г<ода>. Просидел в Бутырской тюрьме по 4 февр<аля> 1928 г<ода> и выслан в Марийск<ую> обл<асть> на три года, считая с 25 марта 1927 г<ода> (так сказано в приговоре ОГПУ).

P.S.S. На ответ прилагаю две десятикоп<еечные> марки»⁵.

³ ГАРФ. Ф. 8909. Оп. 1. Д. 348. С. 431-432. Автограф.

⁴ Неправильно приведены имя-отчество Пешковой — М. П. Правильно — Е. П.

⁵ ГАРФ. Ф. 8909. Оп. 1. Д. 526. С. 8. Автограф.